

Восьмой хеттологический конгресс.
Варшава, 5—9 сентября 2011 г.

Очередной, восьмой, международный хеттологический конгресс впервые в истории прошел в Восточной Европе — Варшавском университете 5—9 сентября 2011. Конгресс — центральное событие в хеттологии и проводится раз в три года. На конгрессы, проходящие в Европе, традиционно собираются наиболее авторитетные хеттологи из Европы, США, а также Турции и Израиля. В отличие от Конгрессов, проводимых на территории Хеттской империи в Турции, количество заявивших доклады, но не приехавших, было минимальным.

К особенностям данного Конгресса можно отнести тот факт, что многие немецкие ученые делали доклады на английском языке, который все прочнее завоевывает позиции основного языка хеттологии, хотя немецкий и итальянский по-прежнему доминируют в публикациях. Также характерным для европейских конгрессов является существенно меньшая доля докладов, прочитанных на турецком языке, хотя ряд докладов, заявленных на английском или немецком, в реальности читался на турецком.

Традиционно в Конгрессе выделяются исторические и лингвистические (включая чистую филологию) секции, причем исторические доклады явно доминируют как по количеству, так и по интересу, который к ним проявляется. Это объясняется спецификой функционирования хеттологии в Италии и Германии, где она все же скорее является исторической дисциплиной, чем лингвистической. В данном обзоре мы не будем рассматривать чисто исторические и филологические доклады.

Основная часть выступлений была посвящена собственно хеттскому языку.

Морфологическая проблематика рассматривалась в значительном количестве докладов. В одноименном докладе К. Мелчерт разграничивал два глагола *išpar-* «распространять, расстилать» и *išparre/a-* «стукнуть». Доклад М. Зорман «Модальность в хеттском» носил реферативный характер: в нем еще

раз перечислялись различные средства для выражения модальности в хеттском языке.

В докладе К. Ёсиды «Хетт. *hu-it-ti-it-ti*» анализировалась соответствующая загадочная форма из новохеттской копии текста царя Анитты. Предложено ее убедительное понимание как ошибочное копирование древнехеттского медия *hu-it-ti-ya-ti*.

В докладе А. Шацкова «Хеттские имперфективы на *anna/i-*» рассматривались некоторые аспекты употребления данного имперфективного суффикса, в частности устанавливалась корреляция между залогом глагола и суффиксом: подавляющее большинство глаголов, образующих имперфективные формы с этим суффиксом, принадлежат к среднему залогу. Также была разобрана этимология суффикса.

В докладе П. Дардано «Хетт. причастия — вопрос диатезы?» была рассмотрена классическая проблема: в хеттском причастия от непереходных глаголов имеют пассивное значение, а от переходных — активное. П. Дардано предлагает понимать причастия, образованные от активных глаголов, не как пассивные, а как претерпевшие действие соответствующего глагола. Функцией же собственно причастия по ее мнению является образование *прилагательного* от глагола.

М. Мазуайер в своем докладе «Наблюдения о хеттском инфинитиве» сопоставил употребление хеттских инфинитивов с гомеровскими.

Синтаксис был традиционно слабо представлен. К немногочисленным исключениям относятся доклады К. Броша «Сочетание локативных слов + *arha* и их конструкции», Г. Холланда «Происхождение союза: *kuit* в средне-хеттском», и А. Сидельцева «Две системы местоименной репризы в хеттском». К. Брош представил новый блестящий анализ традиционной проблематики — сочетаний *peran/appan /šer/kattan/ištarna arha*. Неудачно представленный доклад Г. Холланда продемонстрировал достаточно самоочевидное происхождение союза *kuit* из

относительных придаточных, при этом не было дано объяснения нескольким действительно загадочным явлениям, в первую очередь немотивированной на первый взгляд постглагольной позиции *kuit*, и в качестве относительного местоимения, и в качестве союза. В докладе А. Теффетеллер «Богиня и я: 'дислокация' и адъюнкция в анатолийском синтаксисе» была предпринята попытка продемонстрировать, что выносы вправо, выносы влево, аппозитивные структуры в хеттском представляют собой некое единое явление. К сожалению, доклад был построен на материале америндских языков. Собственно хеттский материал в нем свелся к нескольким примерам, заимствованным из работ К. Мелчерта. Постулируемое единство выносов вправо, выносов влево и аппозитивных структур не было подкреплено никаким конкретным анализом. Типологический фон, несомненно, очень важен, но подменить анализ хеттского материала он не в состоянии. Анализ хеттских выносов вправо и влево, а также собственно местоименной репризы был представлен в докладе А. Сидельцева. Двумя основными положениями доклада были: необходимость выделения местоименной репризы как отдельной синтаксической категории хеттского языка и анализ происхождения выносов вправо, которые встречаются почти исключительно в переводных текстах, но кальками с хаттского не являются. Рассмотрению роли перевода в формировании хеттского синтаксиса был также посвящен доклад Э. Рикен «Техники перевода в хеттском: относительная конструкция». Относительные придаточные, как продемонстрировала Э. Рикен, испытали два типа иноязычного влияния: при переводах с хурритского они использовались для передачи на хеттский многочисленных хурритских нефинитных глагольных форм, точные соответствия которым в хеттском отсутствовали. Во-вторых, особый порядок слов в относительных придаточных был связан со стремлением передать негативную коннотацию соответствующего фрагмента дискурса. Если первый вывод представляется очевидным и, кстати говоря, уже формулировался до Э. Рикен, то второй вывод требует дополнительной аргументации.

Х. Айхнер «Сведение хеттской фонетики к клинописному письму: проблемные случаи» рассматривал в очередной раз соотношение ключевых аспектов фонетической системы хеттского языка и системы клинописного письма, которая с трудом могла передать некоторые фонетические явления. Диахронической фонетике был посвящен доклад М. Кюммеля «Условия возникновения вторичного *h* в хеттском». Доклад во многом сводился к фоне-

тическим экспериментам, призванным продемонстрировать фонетические контексты, в которых мог появиться вторичный (неэтимологический) ларингал. Доклад А. Клуххорста «Акцентуация, написания *plene* и формы *dat.-loc. sg.* в хеттском» рассматривал акцентологию хеттского языка в индоевропейской перспективе.

Лексике было посвящено незначительное число докладов. С. Вансеверен «*kartim(m)iya*:- размышления о слове гнева в хеттском». Х. Гарсия Трабасо в докладе «Хетт. '*targummai*': этимологическое предложение» предложил рассматривать данное хеттское слово как универбацию композита из **ter-* «говорить» и **g^heu-* «выливать» (в форме лувийского причастия) на основании и.-е. поэтической фразеологии «выливать молитвы».

В секции под руководством Т. ван ден Хаута был представлен ряд докладов, посвященных хеттским писцам: Д. Кэмпбел «Между написанным и сказанным: диктовка, писцовая практика и каталоги табличек», О. Попова «Особенности письма некоторых хеттских писцов». Среди них особенно выделяется блестящий доклад В. Ваал «Хеттские писцы, почерки и материалы письма», в котором ясно и убедительно продемонстрировано различие между двумя хеттскими глаголами, один из которых обозначал письмо на глиняных табличках, а другой — на деревянных.

Неоднозначную реакцию вызвал интересный доклад М. Бачваровой «Хуррито-хеттская нарративная поэзия: билингвальный устный жанр». Доклад посвящен реинтерпретации «Песни освобождения» не как перевода с хурритского, а как особого билингвального жанра, имеющего свою традицию и формулы как в хеттском, так и в хурритском. Основным содержанием доклада была типология подобных жанров из Средней Азии и Балкан, однако доклад представляет значительный вклад и в хеттологию, т. к. вписывается в новую тенденцию рассматривать многие переводы с хурритского скорее как пересказы, переложения хурритских оригиналов на хеттский язык, а не как механическое калькирование.

Отдельной секцией были выделены отчеты о работе над тремя наиболее значимыми коллективными проектами нашего времени — «Хеттологические исследования» Академии наук и литературы Майнца (Г. Вильгельм), Чикагский хеттский словарь (Т. ван ден Хаут при участии Д. Кэмпбела) и второе издание Хеттского словаря (Й. Хазенбос). Отчеты вызвали огромный интерес, что оправдывается ключевым значением всех трех проектов в современной хеттологии.

Лувийское языкознание было представлено достаточно немногочисленными докладами. Ф. Джусфреди «Лувийские локативные частицы и неясная частица =(V)R», М. Фротшер «Хеттские глаголы типа *dai/tiyanzi* и их лувийские соответствия», З. Шимон «Фонетическое значение лувийских ларингалов». На фонетическом фоне выделялся ясностью и интеллектуальным блеском доклад А. Бауер «Генитивы в иероглифическом лувийском». Традиционную для автора тему пересмотра дешифровок знаков лувийского иероглифического письма и связанные с этим вопросы лексики затрагивал доклад И. Якубовича «Чтение анатолийского иероглифа *216 (ARHA)», в котором предлагается новое чтение знака как *ahha*. Основные положения доклада Р. Орешко «Странный случай Dr. FRATER Mr. DOMINUS: пересмотр данных, касающихся лув. *pani(ya)*», название которого обыгрывает традиционную систему транслитерации иероглифического

лувийского, не были приняты в последовавшей оживленной дискуссии.

Ликийскому было посвящено минимальное количество докладов. Труднопереводимый доклад Б. Кристиансен «Серьезные/могильные дела: проблемы, связанные с погребениями в династической Ликийи» был посвящен филологическому анализу ликийских погребальных надписей. Д. Шюр в докладе «Ликийские местности и их названия: три типа именования» тщательно и подробно рассматривал некоторые частные вопросы ликийской топонимики.

Единственным сообщением, касающимся карийского материала, был доклад А. Дейла «Sinuri и карийская религия: культурная и культовая преемственность в Анатолии второго и первого тысячелетия до нашей эры», в котором теоним Sinuri сопоставляется с хетт. *šiuš* и лув. *Tiwad* и в конечном счете возводится к и.-е. **deiwos*.